ЛЕРА ВЕГА

18+

НЕЗНАКОМЕЦ

в лифте

18+

Лера Вега

Незнакомец в лифте

«Автор»

2026

Вега Л.

Незнакомец в лифте / Л. Вега — «Автор», 2026

У Саши был идеальный план: дорогое бельё, красная помада, пальто на голое тело — и сюрприз, который её парень Антон запомнит надолго. Но когда лифт в элитной высотке замер между этажами, план пошёл к чертям.В кабине оказался он. Высокий, властный, с ледяным взглядом и повадками хищника. Дан. Бывший военный, который привык оценивать риски и видеть людей насквозь. И то, что он увидел под распахнувшимся пальто незнакомки, заставило его забыть о контроле.Одно прикосновение — и она уже не помнит, к кому ехала. Один приказ — и собственное тело перестаёт слушаться. Но что будет, когда двери лифта откроются?

© Вега Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3. Дан 10
Глава 4. Дан 13
Глава 5 14
Глава 6. Дан 16
Глава 7 18
Глава 8 19
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Лера Вега
Незнакомец в лифте

Глава 1

Сегодня я решила сделать Антохе сюрприз — сразить его наповал. Свидание было назначено на семь в его дорогущих апартаментах в новой сверкающей высотке. И вот теперь я стояла перед зеркалом в сногсшибательном белье: чёрном кружевном бюстгальтере, соблазнительном поясе для чулок и трусиках, таких крошечных, что угадывались лишь полоски на бёдрах.

Пара месяцев пилатеса не прошли в пустую, в отражении я видела подтянутое тело. Лишнее на бёдрах никуда не делось, но стало округлым и упругим. В подростковом возрасте собственная фигура казалась мне атлетичной, но годы шли, и со временем стало ясно: моё телосложение называют «грушей». Узкие плечи, тонкие руки, скромная грудь, вполне изящная талия и широкие бёдра. Стоит съесть лишнего, и привет, джинсы опять узки.

Поправив рыжие локоны, я обвела губы ярко красной помадой, надела пальто прямо поверх белья и, прежде чем его запахнуть, бросила на себя последний придирчивый взгляд.

Ну, Антоха, держись.

Я с упоением представила, как вытянется его лицо, когда я распахну пальто в прихожей.

Надеюсь, после такого жаркий вечер обеспечен.

Я запахнула пальто, туго затянула пояс и вышла из квартиры, чувствуя, как прохладный воздух с лестничной клетки тут же скользнул под подол, коснувшись обнажённых бёдер. Сердце колотилось где-то у горла.

Такси уже ждало у подъезда — тёмный седан с кожаным салоном. Я скользнула на заднее сиденье, назвала адрес и откинулась на спинку, пока водитель, немолодой мужчина с усталыми глазами, даже не обернувшись, тронулся с места. За окном поплыли вечерние улицы, подсвеченные неоном витрин и жёлтыми всполохами фонарей.

Я то и дело одёргивала полы пальто, боясь случайно сверкнуть кружевом раньше времени. От одной мысли, что под тонкой тканью на мне практически ничего нет, по коже пробегали мурашки. Ноги в тонких чулках скользили одна о другую, и каждое движение отдавалось где-то внизу живота сладкой истомой. Водитель сделал музыку потише, и в тишине салона я слышала только собственное дыхание — чуть чаще обычного.

— Приехали, — бросил он, притормаживая.

Я подняла взгляд. Башня «Империал» взмывала в тёмное небо гигантской стелой из стекла и стали. Пятьдесят этажей надменной роскоши, у подножия которой я сейчас стояла, задрав голову. Фасад переливался тысячами огней, словно внутрь здания залили расплавленное серебро, и теперь оно сочилось наружу сквозь рёбра конструкции. Это был не просто дом — это был вертикальный город для избранных.

Холл встретил меня стерильной прохладой и запахом дорогой парфюмерии. Пол из полированного мрамора отражал свет гигантских люстр. Мои каблуки зацокали по камню гулко и торжественно, и я поймала себя на мысли, что невольно расправила плечи, копируя походку тех самых холёных женщин, что обычно живут в таких местах. Со стороны и не скажешь, что под пальто у меня — полная боевая готовность и ни грамма приличий.

Консьерж за стойкой приветливо кивнул, узнав номер апартаментов Антона. Я скользнула в лифт, шикарный, сверкающий металлом и зеркалами. Двери уже почти сомкнулись, но в последний миг в узкую щель скользнула мужская ладонь — и створки послушно разъехались обратно.

Я едва сдержала разочарованный вздох. Хотелось подняться наедине со своими мыслями, ещё раз прокрутить в голове сценарий соблазнения, но теперь в зеркальную кабину шагнул мужчина.

Высокий. Широкие плечи, обтянутые обтянутые тёмно-серым кашемировым пальто, резко очерченная челюсть и тёмные волосы. Он мельком скользнул по мне равнодушным взглядом, кивнул едва заметно и встал чуть поодаль, нажав кнопку сорокового этажа. В замкнутом пространстве тут же разлился его запах — что-то древесное, с горьковатой свежестью и едва уловимой нотой табака.

Я отвернулась к своему отражению, поправила локоны, украдкой проверила, не смазалась ли помада. Лифт плавно скользнул вверх. В зеркале я поймала его профиль. Идеальный нос, твёрдо сжатые губы, взгляд, устремлённый на светящиеся цифры этажей над дверью. Между лопаток пробежал странный холодок. Красивый. Опасный. Не Антоха.

На двадцатом этаже лифт дёрнулся. Я покачнулась на каблуках и инстинктивно выбросила руку, хватаясь за поручень. Мужчина даже не шелохнулся, лишь чуть сузил глаза.

— Что за... — начала было я, но договорить не успела.

Резкий толчок, свет погас, и лифт замер. Повисла абсолютная тишина. Затем аварийное освещение залило кабину мертвенно-бледным сиянием, превратив наши отражения в двух призраков.

— Нет. Только не это, — прошептала я, судорожно оглядывая глухие стены. Двадцать шестой этаж насмешливо горело на табло. Почти приехали. Почти...

Я рванулась к панели, нажала кнопку вызова. В динамике что-то зашипело, и механический голос равнодушно сообщил: «Техническая остановка. Сохраняйте спокойствие. Время прибытия специалиста — до сорока минут».

Сорок минут.

У меня пересохло во рту. Я медленно повернулась к своему невольному попутчику и впервые посмотрела на него прямо. Он стоял, прислонившись плечом к зеркальной стене, засунув руки в карманы, и рассматривал меня с абсолютно непроницаемым выражением лица. Только теперь в его взгляде появилось что-то новое — не равнодушие, а тягучее, оценивающее внимание.

— Похоже, ваше свидание откладывается, — произнёс он низким, бархатным голосом, и в тесном пространстве лифта этот звук пробрал до костей. — А вы явно торопились.

Глава 2

— С чего вы взяли, что у меня свидание?

Голос прозвучал резче, чем хотелось. Наверное, сказалась духота. Или двадцать шесть этажей пустоты под ногами и зеркальная коробка. Я всё ещё сжимала поручень, чувствуя, как бешено колотится сердце.

Незнакомец чуть склонил голову к плечу. В тусклом аварийном свете его глаза казались почти чёрными, но я успела заметить — они тёмно-карие, с тёплой, янтарной искоркой у зрачка.

— Красная помада, — произнёс он просто, и уголок его рта дрогнул в тени улыбки.

Я машинально коснулась губ кончиками пальцев, будто проверяя — не смазалась ли. Идиотский жест. Он его отследил. Медленно, неспешно, как хищник, которому некуда торопиться.

— Обычно с такой помадой не ездят в гости к маме, — добавил он. — И не возвращаются домой вечером.

— Вы слишком наблюдательны.

— Работа такая.

Он не уточнил какая, а я не стала спрашивать. Мы замолчали, тишина в лифте стала почти осязаемой — густой, как вата. Вентиляция где-то под потолком слабо гудела, но толку от неё было чуть. Воздух сгущался, нагревался.

Аварийное табло на панели всё так же равнодушно светилось цифрой «26». Двадцать шестой. Высоко. Очень высоко. И сорок минут в неподвижной коробке. У меня пересохло горло, я нервно сглотнула, чувствуя, как по позвоночнику скатывается капелька пота.

Незнакомец расстегнул верхнюю пуговицу своего пальто. Движение было экономным, точным — видно, что мужчина не привык суетиться. Под кашемиром мелькнул дорогой костюм, белая рубашка без галстука, верхняя пуговица которой тоже была расстёгнута. Он словно и не переживал вовсе.

А вот мне становилось всё хуже. Пальто, ещё недавно бывшее моим щитом, теперь превращалось в пыточный инструмент. Под плотной тканью тело предательски разогревалось. Я чувствовала, как кружево бюстгальтера намокает, как чулки начинают неприятно липнуть к бёдрам. Горячая волна поднималась от шеи к щекам. Я снова одёрнула пальто, поправила ворот, стараясь запахнуть его поплотнее, чтобы скрыть предательски мелькнувшее кружево. Но воздух стал совсем спёртым.

Зеркальные стены, ещё недавно бывшие просто декором, теперь превратились в изощрённую пытку. С какой стороны ни повернись — везде собственное отражение. Раскрасневшееся лицо, влажные пряди у висков, лихорадочный блеск в глазах. И он тоже отражался — во всех плоскостях. Четыре, восемь, шестнадцать мужчин, окруживших меня со всех сторон.

— Вам стоит снять пальто, — сказал он негромко, и его голос прозвучал где-то совсем рядом, хотя он не двинулся с места. — Здесь становится жарко.

Я мотнула головой — пожалуй, слишком поспешно.

— Нет. Я в порядке.

— Вы покраснели.

— Это от духоты.

Он не настаивал. Только смотрел. И взгляд этот был странным — не раздевающим в пошлом смысле, а скорее изучающим. Внимательным до мурашек. Так смотрят на картину в музее, пытаясь угадать, что скрывается за мазками краски.

Тишина затянулась. Потом он вдруг шагнул к панели и нажал кнопку вызова. Динамик разразился тем же равнодушным шипением и механическим обещанием ждать специалиста.

— Чёрт, — прошептала я и, забывшись, поднесла ладонь к груди, пытаясь хоть немного оттянуть душный воротник.

И замерла.

Пальто распахнулось чуть шире, чем я рассчитывала. В зеркальной стене напротив мелькнула тонкая полоска чёрного кружева — край бюстгальтера, всего на мгновение, но более чем достаточно.

Я дёрнулась, запахивая полы, но уже знала: он видел. По тому, как изменилось его дыхание — едва уловимая заминка, почти бесшумный выдох. По тому, как потемнели его глаза в отражении.

— Простите, — сказал он ровно, — я отвернусь.

И действительно отвернулся. Медленно, без лишних движений, встав лицом к зеркальной стене, спиной ко мне. Широкие плечи полностью перекрыли одну из отражающих поверхностей, но через зеркало напротив я всё равно видела его лицо. Он смотрел прямо перед собой, не пытаясь найти моё отражение. И это было почти... рыцарски.

Вот только в зеркале я видела не только его. Я видела себя — с пылающими щеками, с рыжими прядями, прилипшими к влажной шее, с дрожащими пальцами, судорожно сжимающими пояс пальто. И видела, как влажно блестят мои губы, обведённые алой помадой.

— Почему именно красная помада? — спросила я сипло, не зная, зачем тяну этот разговор. — Мало ли... Может, я просто люблю красный.

Он чуть повернул голову — не на меня, а к своему отражению.

— Вы её только что нанесли. Свежая. Идеальный контур, ни одного огреха. Так красятся не для себя.

Я промолчала.

— И духи, — добавил он тише. — Слишком откровенные для дружеского ужина.

— Вы и в парфюмерии разбираетесь?

— В людях.

Он снова замолчал. Потом, не поворачиваясь ко мне, медленно стянул с плеч пальто. Под ним оказался идеально сидящий костюм-тройка тёмно-серого цвета, жилет обтягивал торс, подчёркивая линию плеч и узкую талию. Он небрежно повесил пальто на согнутую руку, и в этом жесте было столько спокойной, уверенной силы, что у меня перехватило дыхание.

— Если не хотите снимать, хотя бы расстегните верхнюю пуговицу, — посоветовал он. — Обморок нам обоим ни к чему.

Я колебалась. Пальцы не слушались, а тело требовало глотка свежего воздуха. Наконец я решилась и расстегнула одну пуговицу у самого горла. Потом, помедлив, вторую. Третью. Стало чуть легче, но всё равно недостаточно.

Вентиляция окончательно сдалась. Воздух в кабине стал плотным, почти осязаемым, пропитанным смесью наших запахов. И что-то ещё витало в этой духоте. Что-то почти электрическое, как озон перед грозой.

— Саша, — выдохнула я вдруг, не узнав собственного голоса. — Меня зовут Саша.

Он снова посмотрел в зеркало — на этот раз поймав мой взгляд. И впервые за всё время улыбнулся по-настоящему. Улыбка у него оказалась неожиданной — тёплой, чуть асимметричной, с едва заметной ямочкой на правой щеке.

— Очень приятно, Саша. Я бы пожал вам руку, но, учитывая обстоятельства... — он кивнул в сторону табло с горящей цифрой «26», — пожалуй, останусь здесь.

— Вы тоже можете представиться. Чтобы мы не были совсем уж незнакомцами.

— Даниил, — коротко ответил он. — Можно просто Дан.

И снова тишина. Но теперь она была иной — более интимной.

Я переступила с ноги на ногу, чувствуя, как влажные чулки скользят по коже. Зеркала по-прежнему демонстрировали меня со всех ракурсов, и я поймала себя на том, что бессознательно поправляю волосы. Дан по-прежнему стоял лицом к стене, но я знала: он тоже всё видит.

— А всё-таки, — он нарушил тишину первым, — он счастливчик. Ваш...

— Антоха, — вырвалось у меня, и я тут же мысленно обругала себя за это панибратское «Антоха» в разговоре с таким мужчиной.

— Антон, — поправилась я, — его зовут Антон.

— Антон, — повторил Дан задумчиво, словно пробуя имя на вкус, и по его губам снова скользнула та самая асимметричная улыбка. — Он, наверное, очень удивится, что вы задерживаетесь.

«Если бы ты только знал, насколько», — подумала я, скосив глаза на своё отражение. Сейчас, в приглушённом аварийном свете, я напоминала сама себе героиню старого чёрно-белого фильма. Только фильм этот был явно не для широкого проката.

Словно в ответ на мои мысли, свет моргнул. Я инстинктивно дёрнулась и, потеряв равновесие на каблуках, качнулась вперёд. Дан повернулся мгновенно — и его ладонь перехватила мой локоть.

Горячая. Твёрдая. Абсолютно уверенная.

— Осторожнее, Саша, — произнёс он, и его голос прозвучал совсем близко. Слишком близко. Я ощутила его дыхание на своей щеке — и запах его парфюма ударил в голову сильнее любого алкоголя.

Он не убрал руку. Задержал на моём локте на секунду дольше необходимого. И в зеркале напротив я увидела эту сцену целиком — он, возвышающийся надо мной, я, с запрокинутой головой и приоткрытыми алыми губами. И его пальцы, всё ещё сжимающие мой локоть. Словно он имел на это право.

Свет снова мигнул, возвращая нас в реальность. Дан мягко разжал пальцы и отступил на шаг. Но в зеркалах всё ещё стояло эхо этого прикосновения, и я знала — он тоже его чувствовал. Знала по тому, как сжались его челюсти, как дрогнул кадык над воротом белой рубашки.

Где-то наверху, на сорок девятом этаже, меня ждал Антоха. Ничего не подозревающий, наверняка уже открывший бутылку вина. А здесь, в душной зеркальной коробке между двадцать шестым и сорок девятым, время остановилось вместе с лифтом, и совершенно посторонний мужчина смотрел на меня так, словно знал обо мне что-то такое, чего я сама о себе ещё не понимала.

— Сколько там осталось? — спросила я хрипло, имея в виду время до прибытия ремонтников.

Дан бросил взгляд на панель.

— Двадцать восемь минут.

Двадцать восемь минут. Целая вечность в замкнутом пространстве. Я облизнула пересохшие губы и встретила его взгляд в зеркале.

— Тогда, может быть, расскажете, кем вы работаете? Раз уж мы застряли здесь надолго...

Глава 3. Дан

Я заметил её ещё до того, как двери лифта сомкнулись за моей спиной. Вернее, не её саму, а волосы. Медные, тяжёлые локоны, рассыпанные по тёмной ткани пальто. В приглушённом свете кабины они горели, как тлеющие угли, и мой взгляд зацепился за них намертво.

Рыжие. Всегда рыжие. Старая болячка, от которой я, казалось бы, излечился годами дисциплины, дала о себе знать мгновенно — глухим, давно забытым толчком где-то под рёбрами. Я заставил себя отвести взгляд, нажал сороковой этаж и встал чуть поодаль. В конце концов, я взрослый человек, а не озабоченный юнец.

Девушка нервничала. Это было заметно по тому, как она то и дело поправляла ворот, как одёргивала пояс, как покусывала нижнюю губу — ту самую, обведённую свежей алой помадой. Свидание. Сомнений не было. Такая помада, такие духи — тяжёлая тубероза с мускусом, слишком откровенные для дружеского ужина, — и это застывшее в каждой черте предвкушение. Она ехала к кому-то, и этот кто-то явно не был её мамой.

Мне не было до этого дела. Честно. Я прислонился плечом к зеркальной стене и приготовился к короткому путешествию на сороковой. Обычный вечер. Обычный лифт. Обычная незнакомка, которая через минуту выйдет на своём этаже и исчезнет навсегда.

Лифт дёрнулся на двадцатом. Я машинально отметил этаж и характер толчка — скорее всего, гидравлика или предохранительный контур, ничего критичного. Свет погас на секунду, девушка вскрикнула, хватаясь за поручень, а я даже не шелохнулся. Привычка. Когда-то меня учили, что паника убивает быстрее пули, и этот урок въелся намертво.

Кабина замерла. Двадцать шестой. Аварийный свет залил нас бледным, мертвенным сиянием, и в зеркалах отразились двое — я, абсолютно спокойный, и она, с расширенными зрачками, дышащая часто и поверхностно.

— Похоже, ваше свидание откладывается, — сказал я, просто чтобы заполнить тишину. — А вы явно торопились.

Она резко повернулась ко мне, и я впервые увидел её лицо полностью. Не просто рыжие волосы, а весь комплект: светлые глаза — не то серые, не то зелёные, в этом освещении не разобрать, — острые скулы, россыпь бледных веснушек на переносице, которые не смог скрыть даже тональный крем. И эти губы. Ярко-алые, влажные, чуть приоткрытые. У моего подсознания был свой, совершенно неприличный список предпочтений, и эта женщина методично ставила галочку за галочкой.

— С чего вы взяли, что у меня свидание? — выпалила она с вызовом, но в голосе дрогнула паническая нотка.

— Красная помада, — ответил я просто.

Она прижала пальцы к губам, проверяя, и этот невинный жест отозвался во мне абсолютно не невинным импульсом. Я подавил его. Легко. Пока легко.

А потом она поправила ворот.

Движение было нервным, дёрганым, и плотная ткань пальто предательски разошлась на груди, буквально на секунду, на дюйм. Но мне хватило. Чёрное кружево. Тонкая полоска бюстгальтера — я разглядел даже сложный узор на грани просвечивающей кожи. И понял сразу, мгновенно, с той самой профессиональной способностью складывать пазл из разрозненных фактов: под пальто на ней ничего нет. Вернее, есть. Кружево, шёлк, пояс для чулок — моё воображение дорисовало остальное быстрее, чем я успел себя остановить.

Вот тогда-то внутри меня и проснулся зверь.

Я называю его про себя именно так — Зверь. Без романтики, без эвфемизмов. Часть меня, которую я много лет назад научился запирать на замок и выпускать только в строго отведённых обстоятельствах: по договорённости, с правильными партнёршами, в полной безопас-

ности. Зверь не был насильником — он был доминантом. Ему нравилось подчинять. Нравилось видеть, как расширяются зрачки от страха пополам с возбуждением, как сбивается дыхание, как женщина отдаёт контроль — добровольно, осознанно, с полным доверием. Это была игра, и в обычной жизни я никогда не путал её с реальностью.

Но сейчас Зверь вскинул голову без приглашения.

Девушка в лифте, запахнувшись, уже поправляла пальто с поспешностью, которая говорила: она поняла, что я заметил. Щёки заполыхали румянцем, рыжие локоны прилипли к влажной шее. И Зверь внутри меня выдохнул: *«Она дрожит. Ей страшно. И она стоит передо мной в одном белье под этим пальто, словно подарок, завёрнутый в кашемир. Только руку протяни».*

Я одёрнул себя. Мысленно. Жёстко, как рядового на плацу. Нет. Она не давала повода. Она едет к своему, вероятно, парню, она не просила, чтобы какой-то незнакомец пялился на неё с мыслями, от которых у любой нормальной женщины волосы бы встали дыбом. Я не чудовище. Я тот, кто контролирует чудовище внутри.

— Простите, — сказал я и отвернулся. — Я отвернусь.

Это был правильный ход. Единственно возможный. Я уставился в зеркальную стену перед собой, рассматривая собственное отражение. Собран, спокоен, лицо ничего не выражает. Хорошо. Но периферическое зрение всё равно ловило её движения. И зеркала — будь они прокляты — показывали её со всех сторон.

Она спросила про помаду. Зачем-то. И я ответил — про контур, про то, что так не красятся для себя. Говорить было легко. Гораздо сложнее было не вдыхать её запах — пот, смешанный с туберозой, лёгкий, терпкий аромат разгорячённого женского тела. У меня пересохло во рту.

— Вы и в парфюмерии разбираетесь? — спросила она.

— В людях, — ответил я. И это было правдой. В людях я разбирался отлично. В конкретно этой женщине — лучше, чем хотелось бы. Она была не из тех, кто привык подчиняться. Слишком дерзкая, слишком самостоятельная. Такие не ломаются — они отдаются. Добровольно. И это делало ситуацию ещё хуже. Зверь предпочитал именно таких.

Я стянул пальто. Медленно, давая себе время восстановить контроль. Под пальто у меня был костюм, и я мысленно поблагодарил портного за то, что брюки сидят достаточно свободно, чтобы скрыть очевидное. Пальто я перекинул через согнутую руку, заодно создав хоть какую-то преграду.

— Если не хотите снимать, хотя бы расстегните верхнюю пуговицу, — предложил я, и голос прозвучал ровно. Почти. — Обморок нам обоим ни к чему.

Она расстегнула. Одну, вторую, третью. И я снова увидел кружево — на этот раз дольше, и уже не случайно. Духота действительно становилась невыносимой. Зверь подался вперёд, натягивая поводок. Я сжал челюсти.

А потом она представилась. Саша. Просто Саша. И улыбнулась — нервно, искренне, с той самой трогательной незащищённостью, которая пробивает любую броню. Я назвал своё имя.

Потом был Антоха. Она выпалила это имя, и я услышал в её голосе то, чего она сама, возможно, не замечала. Привычку. Нежность пополам с панибратством. Антоха — это не мужчина, о котором мечтают. Это удобный, тёплый, свой в доску парень. Интересно, знает ли он, какой бриллиант ему достался?

— Он, наверное, очень удивится, что вы задерживаетесь, — заметил я, и в моём голосе, кажется, проскользнуло больше яда, чем следовало.

Свет моргнул. Она пошатнулась — и я поймал её за локоть. Это был рефлекс, быстрее мысли. Моя ладонь сомкнулась на тёплой, влажной коже — она всё-таки сдвинула рукав

пальто, и теперь я касался её. Чувствовал пульс. Чувствовал, как её тело на мгновение замерло, не отшатнувшись, а наоборот — подавшись навстречу.

— Осторожнее, Саша, — выдохнул я.

В зеркале напротив я увидел нас обоих. Её — с запрокинутым ко мне лицом, с приоткрытыми алыми губами, с этим рыжим ореолом волос, в который мне хотелось запустить пальцы. И себя — нависающего над ней, с потемневшими глазами, с рукой на её локте. Зверь смотрел из зеркала моими собственными глазами, и на одну бесконечную секунду мне показалось, что он сейчас возьмёт верх.

Я разжал пальцы и отступил. Медленно. Как отступают от дикого зверя, которого не хотят спугнуть. Или от женщины, которую не хотят напугать. В моём случае — и то и другое.

— Сколько там осталось? — спросила она хрипло.

— Двадцать восемь минут.

Двадцать восемь минут. Я мог бы продержаться двадцать восемь минут. Раньше я держался часами в условиях, которые и врагу не пожелаешь. Но тогда речь шла о выживании, а сейчас — о женщине, которая стояла передо мной в одном белье, пахла туберозой и смотрела мне в глаза с любопытством пополам с чем-то, что я слишком хорошо умел распознавать.

С интересом.

— Тогда, может быть, расскажете, кем вы работаете? — спросила она. — Раз уж мы застряли здесь надолго.

Я усмехнулся про себя. Что ж, честный ответ хотя бы отвлечёт нас обоих.

— Консультант по безопасности, — сказал я. — Раньше работал на государство, теперь — частная практика. Ничего интересного, Саша. Просто обеспечиваю людям спокойный сон.

Она склонила голову к плечу, и в этом движении было что-то до невозможности очаровательное. Рыжие локоны скользнули по плечам, и я проследил за ними взглядом.

— И что же вы консультируете? — не унималась она.

— Разное, — ответил я. — Кому-то нужна защита от физических угроз. Кому-то — от корпоративных. Я оцениваю риски и предлагаю решения. Проще говоря, я тот, кого нанимают, когда всё идёт не по плану.

Она кивнула, переваривая. Я видел, как в её голове крутятся новые вопросы, но она сдерживается. Пытается соблюдать дистанцию. Правильно. Пусть соблюдает. Это поможет нам обоим продержаться оставшиеся минуты.

Вентиляция всё ещё едва работала. Воздух стал густым, насыщенным нашими запахами. Зеркала запотели по краям. И в каждом отражении я видел одно и то же: мужчину, который изо всех сил сдерживает себя, и женщину, которая даже не подозревает, насколько она сейчас близка к опасности.

Зверь внутри меня ждал. Ждал, когда я дам слабину. И я знал: если лифт не починят в ближайшее время, сдерживать его станет почти невозможно.

Глава 4. Дан

Я достал телефон. Экран засветился — и тут же выдал пустую строку сети. Без единой палки. Я сунул мобильник обратно в карман. Вслух ничего не сказал — Саша и без того дышала часто, как загнанный зверёк.

А про себя уже складывал картину.

«Империал» — не тот дом, где лифты встают просто так. Я живу здесь достаточно долго, чтобы знать: любую поломку чинят мгновенно. Здесь обитают люди, которые не привыкли ждать, и техническая служба не рискует их нервировать. Если бы встала только наша кабина — ремонтники уже были бы здесь. Но нам пообещали сорок минут. Не живой диспетчер — бездушная запись. Значит, проблема не в лифте. Проблема — снаружи.

Скорее всего, накрылось электричество. Резервный генератор «Империала» запустился, но выдал только аварийный минимум. Связи с диспетчерской нет. И вышки сотовой связи, видимо, легли.

Я бросил короткий взгляд на Сашу. Она стояла, вжавшись спиной в поручень, и даже не тянулась к телефону — то ли не взяла, то ли понимала бессмысленность попытки. Её рыжие волосы влажно блестели в аварийном свете, а на виске, прямо над бледной россыпью веснушек, билась тонкая голубая жилка. Пальто она так и не сняла, только расстегнула верхние пуговицы, и край чёрного кружева снова дразнил меня из-под ткани.

Зверь внутри довольно переступил с лапы на лапу. *«Она заперта. Без связи. Одна. И под этим пальто — бельё. А ты стоишь и делаешь вид, что тебе неинтересно»,*— прошелестело в голове с почти ласковой издёвкой.

Я сжал челюсти. Нет. Я не мальчик. Я держу себя в руках. Просто надо говорить. Задать вопрос. Любой. Лишь бы отвлечь мозг от картинки, где я зарываюсь лицом в эти медные пряди.

— Саша, — вышло хрипло. Я прокашлялся. — Чем вы занимаетесь? Ну, когда не застреваете в лифтах и не опаздываете на свидание.

Она повернула голову, и её светлые глаза встретились с моими в зеркале.

Глава 5

Я перевела дыхание и заставила себя посмотреть ему в глаза. Вернее, в их отражение — он по-прежнему стоял вполоборота, и наши взгляды пересекались в зеркальной стене напротив.

— Я графический дизайнер, — сказала я. Голос прозвучал на удивление ровно, и это придало мне уверенности. — Рисую всякое. Логотипы, айдентику, иногда иллюстрации для журналов. Сейчас вот проект для одного ресторана заканчиваю — меню, вывески, весь визуал.

— Интересно, — отозвался он, и мне показалось, что это не просто вежливое слово. Он действительно слушал.

— Да ничего особенного, — я повела плечом и тут же пожалела: пальто снова поползло, и пришлось судорожно поправлять ворот. — Работа как работа. Зато удалённо, из дома. Не надо в офис таскаться.

Дан кивнул. В аварийном свете его лицо казалось вырезанным из тёмного дерева — резкие тени под скулами, твёрдая линия челюсти, глубокая складка у рта. Я вдруг подумала: интересно, улыбается ли он когда-нибудь по-настоящему? Или только вот так — уголком губ, сдержанно, словно боится выдать что-то лишнее?

— А вы? — спросила я, скорее чтобы заполнить тишину. — Консультант по безопасности — это что-то вроде телохранителя?

— Скорее вроде аналитика, — ответил он. — Я оцениваю риски. Иногда — людей.

— И что, прямо видите человека насквозь?

— Некоторых.

Его взгляд на мгновение задержался на мне, и я почувствовала, как щёки снова заливает румянцем. В духоте это ощущалось почти как ожог.

Дышать становилось всё тяжелее. Вентиляция под потолком издала жалобный хрип, словно соглашаясь с тем, что не справляется. Я чувствовала, как по спине между лопатками скатывается капля пота, как пальто прилипает к плечам, словно вторая кожа, от которой невозможно избавиться.

О господи, как же жарко.

Я стянула бы его в ту же секунду, если бы не одно «но». Вернее, не одно, а целый комплект. Бюстгальтер, пояс для чулок, трусики-невидимки. Всё это сейчас было моим проклятием. В зеркалах я видела себя со всех сторон — раскрасневшуюся, с влажными прядями, прилипшими к вискам, с блестящей от испарины грудью, которая вздымалась слишком часто. Дан мог видеть то же самое. И он видел. Я знала это по тому, как он вдруг отвёл глаза и уставился в стену перед собой.

— Здесь становится невыносимо, — пробормотала я, скорее себе, чем ему.

— Вентиляция почти не работает.

Он бросил взгляд на часы — дорогие, массивные, на тёмном кожаном ремешке.

— Сколько?

— Минут двадцать. Может, чуть меньше.

Я прикрыла глаза. Двадцать минут. Можно вытерпеть. Можно. Я пережила и не такое — дедлайны, горящие проекты, токсичных заказчиков. Переживу и это. Просто надо отвлечься. Не думать о том, как кружево впивается во влажную кожу. Не думать о том, что я стою в одном белье напротив незнакомого мужчины, который, кажется, видит меня насквозь.

— Саша, — раздался его голос.

Я разлепила ресницы. Он смотрел на меня — теперь прямо, не в зеркало. И в его тёмных глазах мелькнуло что-то странное. Сосредоточенность. Такая, какая бывает у врача перед тем, как сообщить диагноз.

— Снимете пальто. Обморок нам ни к чему, — сказал он медленно.

— Я в порядке. Я просто... — начала я и замолчала. А что тут скажешь? «Я просто не могу раздеться, потому что под пальто на мне кружевной разврат, и вы решите, что я ненормальная»?

— Просто что? — переспросил Дан.

— Просто не хочу, — отрезала я, и это прозвучало слишком резко. — Давайте лучше ещё о чём-нибудь поговорим.

Он чуть склонил голову к плечу, и в этом движении снова мелькнуло что-то хищное. Но голос остался ровным:

— О чём?

— Всё равно. О погоде. О футболе. О том, почему вы живёте в этом доме.

Он усмехнулся — на этот раз почти по-настоящему.

— Не всю жизнь же жить в казарме, — сказал он кратко.

— Вы были военным?

— Был.

— А теперь консультируете?

— Именно.

— И как, — я сглотнула, чувствуя, что горло совсем пересохло, — часто приходится оценивать людей в лифтах?

— Впервые, — признался он. — Обычно это происходит в переговорных.

В его голосе скользнула тень улыбки. Я поймала себя на том, что тоже улыбаюсь — нервно, кривовато, но всё же. Говорить помогало. Пока мы разговаривали, я меньше думала о духоте. О том, что пальто можно выжимать. О том, что мои соски под кружевом затвердели и стали предательски заметны даже сквозь ткань.

О том, что Дан мне нравился.

Возможно, дело было в его голосе — низком, обволакивающем, который странным образом одновременно успокаивал и будоражил. Или в том, как он стоял — спокойно, надёжно, будто за его спиной можно было укрыться от всего мира. Или в том, что он до сих пор не сделал ни одной пошлой шутки, хотя ситуация располагала.

Вентиляция снова заскрежетала и затихла. Дышать стало совсем нечем. Я провела языком по пересохшим губам и вдруг поймала на себе его взгляд — быстрый, острый, брошенный исподлобья. Всего на секунду. Но этого хватило, чтобы по позвоночнику пробежала дрожь.

— Саша, — произнёс он, и голос его прозвучал глуше обычного. — Вы сказали «Антоха».

— Антон, — поправила я. — Просто я его так называю.

— Давно вы вместе?

Я задумалась.

— Год. Или полтора.

Дан ничего не сказал. Только кивнул. Но я заметила, как дрогнул мускул на его челюсти, и почему-то это показалось мне важным. Почему он спросил? Просто поддерживает разговор? Или...

Я оборвала мысль на полпути. Нет. Не надо. Он просто незнакомец в лифте. Я просто девушка, которая едет к своему парню. Всё. Точка.

Но когда я встретила его взгляд в зеркале — долгий, изучающий, почти осязаемый, — точка вдруг превратилась в запятую. И мне отчаянно захотелось узнать, что будет после неё.

Глава 6. Дан

Я заметил, как поплыл её взгляд. Зрачки расширились, потеряли фокус, и она начала заваливаться вперёд.

Я поймал её в падении. Одна рука легла под лопатки, вторая — на талию, и сквозь ткань пальто я почувствовал, как часто и слабо бьётся её сердце. Осторожно опустил её на пол кабины, придерживая затылок, чтобы не ударилась о зеркальную стену. Рыжие пряди разметались по моему предплечью — влажные, потемневшие у корней от духоты. Пальто на ней явно было слишком тёплым, не по сезону. Хотя учитывая, что под ним, выбор оправдан.

— Саша. Эй.

Молчит. Лицо бледное, но на скулах — два лихорадочных пятна, ярких, как мазки акварели. А пальто на ней можно выжимать. Она в нём спеклась.

Я выругался сквозь зубы. Потом взялся за пояс.

Пальцы развязали узел — резко, без колебаний. Полы разошлись, и в аварийном свете мелькнуло то, что она так отчаянно прятала. Чёрное кружево. Под пальто на ней был полный боевой комплект — бюстгальтер, пояс для чулок и крошечная полоска между бёдер, которая не оставляла простора для воображения. Мокрая от пота ткань облепила тело так плотно, что я разглядел каждую деталь, каждый изгиб, каждый оттенок кожи под ажурной сеткой.

У меня перехватило дыхание. И дело было не в самом зрелище — в конце концов, я видел женщин и в более откровенных нарядах. Дело было в контексте. В том, что она лежала без сознания, распластанная у моих ног, и её тело — это самое тело, которое она везла своему Антохе как подарок, — было полностью в моей власти.

Внутри что-то сместилось. Тяжело, жарко, как тектоническая плита, съехавшая на несколько градусов. Это не было ни нежностью, ни жалостью. Это было узнавание. Так бывший алкоголик узнаёт запах виски в чужом бокале — мгновенно, нутром, всем своим существом.

Я отвёл взгляд ровно на секунду. Один вдох. Выдох. Взял себя в руки.

Потом приподнял её за плечи и стянул пальто. Один рукав — она не сопротивлялась, тело было податливым, как у спящего ребёнка. Второй рукав. Теперь она лежала передо мной в одном белье, с запрокинутой головой, с безвольно раскинутыми руками, с влажным шёлком кружева на бёдрах.

— Саша. — Я легонько хлопнул её по щеке. — Очнитесь.

Веки дрогнули.

Я хлопнул ещё раз, чуть сильнее. Щека под ладонью была мягкой и горячей, и мои пальцы сами собой задержались на ней дольше, чем требовалось. Скользнули к виску, отводя прилипшую прядь. Она задышала чаще — ещё не придя в сознание, но уже реагируя телом на моё прикосновение. Грудь под чёрным кружевом вздымалась, и я заметил, как под тонкой тканью проступили соски — твёрдые, отчётливые.

От очередного хлопка она открыла глаза.

В первую секунду в них плескался чистый ужас — тот самый, животный, когда мозг ещё не успел сложить пазл, но уже знает, что что-то не так. Она увидела меня, склонившегося над ней, и дёрнулась.

— Тише, — сказал я, не убирая ладони с её плеча. — Вы потеряли сознание. Всё хорошо.

Она опустила взгляд на своё тело — и замерла. Я видел, как расширились её зрачки, как дрогнули губы, как краска прилила к щекам, мгновенно смыв недавнюю бледность. Она поняла. Поняла, что лежит передо мной практически обнажённая, в одном кружевном белье, которое теперь ничего не скрывало.

Саша не закричала. Не отшатнулась. Просто лежала и смотрела на меня — снизу вверх, с расширенными глазами, с приоткрытым ртом, в котором дрожало неровное дыхание.

В висках застучало. Ладонь всё ещё лежала на её плече, и я чувствовал, как под моими пальцами бьётся её пульс — часто, сбивчиво, почти в унисон моему.

Она не закричала «отпустите», «отвернитесь» или «какого чёрта?»

Я посмотрел на неё — на разметавшиеся рыжие волосы, на тонкую полоску кружева, впившуюся в бедро, на каплю пота, скатившуюся от ключицы в ложбинку груди. И почувствовал, как внутри разжимается туго свёрнутая пружина — то, что я годами учился сдерживать, контролировать, запирать на замок и открывать только по обоюдному согласию. Оно распрямлялось сейчас — медленно, неумолимо, заполняя меня изнутри знакомой горячей тьмой.

Я наклонился ближе. Так близко, что почувствовал её дыхание на своих губах.

Глава 7

Дан склонился надо мной, глаза его потемнели, пальцы сжимали моё запястье почти непристойно. Я — на полу зеркальной кабины, в одном белье.

Я лежала и смотрела на него, часто дыша. В висках стучало. Где-то на периферии сознания билась мысль об Антоне — маленькая, сжавшаяся, почти беззвучная. Она пыталась докричаться до меня, напомнить, зачем я вообще села в этот лифт. Но её заглушало другое — шум крови в ушах, гулкое эхо собственного пульса и запах ветивера, смешанный с табаком и мужским теплом.

И тут до меня дошло.

Дошло по-настоящему. Не просто картинка в зеркалах, не абстрактная мысль «я в белье», а холодящее, обжигающее осознание: я лежу перед незнакомым мужчиной в самом развратном комплекте из всех, что когда-либо покупала. В том самом, который три дня назад мерила перед зеркалом в спальне, хихикая и представляя лицо Антохи. Тончайшее кружево, пояс с подвязками, трусики-невидимки — я ведь даже для себя никогда такого не выбирала. Это был прыжок в пропасть, рассчитанный на одного конкретного зрителя. А теперь передо мной стоял совершенно другой мужчина, и он видел всё. Каждую деталь. Каждую ниточку, впившуюся во влажную кожу.

Пути назад не было.

Я почувствовала, как к щекам приливает кровь — густая, горячая волна стыда. Жгучего, почти невыносимого. Он прокатился от груди к лицу и запульсировал где-то в висках. Я едва не зажмурилась, едва не скинула руку Дана, едва не приказала ему отвернуться — сейчас же, немедленно. Но вместе со стыдом пришло и нечто другое. То, от чего пересыхало во рту и сладко ныло внизу живота. Запретное. Тёмное. Будоражащее воображение так, как ничто прежде.

Словно я оказалась в самом непристойном фильме для взрослых, и это была не я. Не я, Саша, графический дизайнер с удалёнкой и планами на вечер с Антохой. А какая-то другая женщина — смелая, дерзкая, распластанная на зеркальном полу перед хищным незнакомцем. И этой женщине отчаянно хотелось узнать, что будет дальше. Как далеко можно зайти. На что способно моё скрытое «я», если отпустить контроль.

Всё происходило будто не со мной. И одновременно — со мной настоящей. Той, которую я никогда не показывала. Той, что пряталась под офисными рубашками, под домашними футболками, под этим самым пальто. И сейчас она вырвалась наружу, и я не могла — не хотела — загонять её обратно.

Медленно — очень медленно, словно во сне, где каждое движение требует невероятных усилий, — я подняла руку. Кончиками пальцев коснулась его щеки. Кожа была тёплой, чуть шершавой, и под подушечками я ощутила, как дёрнулся мускул.

Дан замер.

Его глаза потемнели ещё сильнее — если такое вообще было возможно. Зрачок почти полностью поглотил радужку, оставив лишь тонкий янтарный ободок. Он смотрел на меня сверху вниз, и в этом взгляде читалось что-то, от чего по позвоночнику пробежала дрожь. Не страх. Предвкушение.

Он всё ещё держал моё запястье. И теперь я почувствовала, как его большой палец медленно, едва ощутимо гладит тонкую кожу над веной — туда-сюда, словно успокаивая, словно спрашивая разрешения.

Я не убрала руку. Не сказала «нет». Не сказала «остановитесь».

Глава 8

Пальцы Дана сместились с моего запястья, медленно поползли по руке, обвели ключицу, остановились у края кружева. Я рвано выдохнула, гладя в его потемневшие глаза, поднялась. Дан тоже. Он надвинулся на меня, навис мускулистым торсом, словно мгновением раньше вовсе не он вёл себя как джентльмен. Теперь в глазах этого мужчины плескалось нечто звериное, тёмное, меняющее его лицо, пугающее и будоражащее. Он был опасен.

Пальто так и осталось лежать на полу. Я вцепились в поручни, вжалась спиной в зеркальную поверхность. Прохладное стекло коснулось обнажённой спины. В одну секунду всё изменилось. Дан оттянул кружевной бюстгальтер. Лямка упала, розовый сосок вырвался наружу. Он припал к нему губами, втянул почти до боли. Его огромные ручища обхватили меня: одна легла на талию, вторая на затылок. Пальцы запутались в моих волосах, потянули, грубо, требовательно. По телу прокатилась острая горячая волна. Я вскрикнула, но тут же Дан накрыл мои губы своими. Поцелуй был не из тех, к каким я привыкла. Он брал. Жёстко, властно.

Его язык протолкнулся мне в рот глубоко, требовательно, и я застонала — прямо в этот поцелуй, не в силах сдержаться. Пальцы на моём затылке сжались крепче, наматывая пряди так, как было удобно ему. Я не могла пошевелиться. Не могла отстраниться. И — боже — не хотела.

— Дан... — выдохнула я, когда он на мгновение оторвался от моих губ, и собственный голос показался мне незнакомым: хриплый, срывающийся, жалкий и умоляющий одновременно.

— Тш-ш, — выдохнул он мне в губы, и в этом коротком звуке было больше приказа, чем в ином крике.

Его ладонь с талии скользнула ниже — на бедро, туда, где кружевной пояс впивался в кожу. Пальцы подцепили резинку, оттянули и отпустили с тихим щелчком. Я вздрогнула. Он усмехнулся — одними губами, не разжимая челюстей, и от этой усмешки по позвоночнику пронеслась молния.

Дан снова наклонился к груди. На этот раз — ко второй чашечке. Кружево съехало в сторону, и его горячий рот накрыл сосок. Я вцепилась в поручни так, что побелели костяшки. Он втягивал его — сильно, на грани боли, и тут же обводил языком, смягчая. Контраст сводил с ума. Ноги подкашивались, но он держал — одна его рука мёртво фиксировала моё бедро, вторая по-прежнему хозяйничала в волосах.

Где-то на задворках сознания билась последняя разумная мысль: «Нужно закричать, пребывать, чтобы остановился!»

Но эта мысль была крошечной, затихающей, как радиоволна, уходящая в пустоту. Её заглушал шум крови, и гулкие, влажные звуки его губ, тяжёлое дыхание.

В зеркальной стене напротив отражались двое. Мужчина

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.